

Н. Т. Абрамова

Практическое сознание

О человеке, наделенным практическим сознанием, говорят, что его действия отличаются умением правильно и быстро разобраться в разных трудных ситуациях, эффективно решать неожиданно встающие задачи, а опытность и умудренность позволяют избегать ошибок, строить прогнозы и т.п. Еще о таком человеке говорят, что он с умением подходит к решению вопросов, получивших название «мучительных», особенно связанных с проблемой выбора. Действительно, от чего-то приходится отказываться во имя более привлекательного, более для тебя нужного, ценного. И хорошо, если принято правильное решение. А если ход мысли при этом оказался неверным? Как определить меру ценности, зная, что от выбора зависит дальнейшая судьба? Цена решения вплетена в ткань практической жизнедеятельности — твоей, его, научного направления и даже целой страны. Как показывает анализ самых разных сфер деятельности, предпочтения, сложившиеся и культурно-исторически, и в процессе индивидуальной жизнедеятельности и в конкретной практической ситуации, оказывают существенное влияние на смысловой строй деятельности. Вот почему при обосновании природы практического сознания нам придется начать с анализа ценностного отношения к предмету. Размышления о том, что такое ценность, отчего мы любим одно и оставляем в забвении другое, только на первый взгляд кажутся очевидными, но на самом деле часто оказываются самыми трудными.

Предпочтение

Итак, наше понимание практической природы сознания неотрывно от рассмотрения природы ценности, и наши практические действия над предметом неотделимы от ценностного отношения к предмету. Хотим мы этого или не хотим, рефлексивно относимся к предмету или восприятие возникает вне нашей сознательной воли, — наши действия построены на ценностной мотивации, на сложившихся предпочтениях: предмету произвольно или произвольно присваивается аксиологический знак «хорошо — плохо».

Многие мыслители размышляли над вопросом о природе ценностного отношения к вещи, указывая при этом на разные его истоки.

«Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет»¹, благовествует апостол — евангелист Лука. Со времен Сократа за идеал повседневной жизни стали принимать счастье, отчего поиски меры всех вещей стали вести не в мире природных процессов, а в созидательной деятельности людей. Для Аристотеля «ложное и истинное не находятся в вещах, а имеются в рассуждающей мысли»². Блез Паскаль указывает на внутренний источник ценности, говоря: «во мне, а не в писаниях Монтеня содержится все, что я в них вычитываю». Логика разума, продолжает мыслитель, дополняется еще логикой сердца: именно данным инструментом изображения веры и любви человек чаще всего и пользуется. Мера ценности, которую человек придает данной вещи, нередко формируется под влиянием более глубоких причин, нежели те, о которых говорится словесно. На эту сторону вопроса обращает внимание Дж.Дьюи. Предпочтения, придающие предмету тот или иной ценностный вес, появляются по большей части в результате расбалансированных условий существования — при появлении каких-то недостатков или угроз. Предпочтения поэтому наполняются экзистенциальными смыслами, оборачиваются системой практических усилий. Главными здесь оказываются усилия, направленные как на приобретение средств, продвигающих к цели, так и на использование этих средств для достижения цели. Ценности, полагает Дж.Дьюи, вытекают из мгновенной и необъяснимой реакции жизненного импульса и иррациональной части человеческой природы³. Другими словами, на оценивание влияет весь запас лингвистической и экстралингвистической информации.

Выбор основывается на двух процедурах: на сравнении и оценке — центральных понятий любой теории ценности. Основательное теоретико-методологическое исследование понятия ценности провел Г.Риккерт, тонко различавший понятия «ценность», «сравнение» и

«оценка». Он обосновывает свое понимание ценности, исходя из двух предпосылок: во-первых, о различии понятий «оценка» и «ценность». Риккерт прямо заявляет, что «философия оценок не есть еще философия ценностей даже тогда, когда себя таковой называет»; во-вторых, о принадлежности ценности к «самостоятельному царству», а не к области объектов или области субъекта. Понять природу оценки можно, считает Риккерт, только в сопряжении с «царством смысла»; «оценка» связана с рефлексивными актами.

Обратим внимание на эту мысль, важную для понимания как природы ценности, так и природы сознания. Ценности, заявляет автор, напротив, принадлежат к миру бытия, культуры. Материальное многообразие ценностей, считает философ, невозможно вывести из общей природы оценивающего субъекта. «А между тем знание всего многообразия содержания ценностей особенно важно для философии, ибо только на основании этого знания сможем мы выработать мировоззрение и найти истолкование смысла жизни»⁴. Изменчив круг научных интересов, который зависит от изменения сердечного хода мысли. В соответствии с принятой классификацией, категорию «интереса» и метафору «внимание к жизни» принято относить к модальной сфере.

В структуре ценности смыслу Г.Риккерт придает особую роль и показывает, как связаны между собой смысл, ценность и бытие. С точки зрения философа, смысл никак не связан с бытием; смысл также не тождественен ценности; смысл лишь указывает на ценность и служит для истолкования последней. Соответственно этому и истолкование смысла не есть установление бытия, не есть также понимание ценности, но лишь постижение субъективного акта оценки с точки зрения его значения, постижение акта оценки, как субъективного отношения к тому, что обладает значимостью. Три царства: действительность, ценность и смысл — связаны с тремя различными методами их постижения: объяснением, пониманием, истолкованием. Будучи рефлексивной процедурой, оценка является венцом аксиологического утверждения.

Ценностный опыт сохраняется и развивается в зависимости от ряда условий и прежде всего от цели, на которую такой опыт направлен. Поэтому важно различать «действенные ценности» (проявляющиеся в поведении при выборе реальных объектов) от «знаемых» ценностей (проявляющихся в выборе символических средств).

Суть такого различия К.Х.Роджерс связывает с тем, что в то время как первая категория ценностей не образует в своей совокупности соответствующей системы, а является процессом, вторая, на-

против, является фиксированной системой, образующей внешние ценности. Роджерс выделяет еще одну категорию, к которой относятся универсальные ценности. Обсуждая вопрос о том, как определить природу связи между универсальными ценностями и человеком, автор отмечает, что данный вид ценности находится не вне человека, не вне какой бы то ни было присваиваемой человеком идеологии, а в нем самом, в аутентичном опыте его собственной жизни. Поэтому их нельзя дать человеку, а можно лишь создать условия для их полезного развития⁵.

Наряду с субъективно-ориентированным взглядом существует и другая точка зрения на природу ценности. Согласно последней впечатление о ценности складывается в прямой зависимости от свойств самого предмета. Тем самым ценностный вес вещи напрямую связывается со свойствами самой вещи. Так, Дж. Мур считает вопрос о ценности одним из важнейших вопросов этики и рассматривает ценность в контексте вопроса об абсолютном добре и благе человека⁶; мысль о том, что ценность является внутренним свойством самой вещи, обсуждается в натуралистических концепциях современной биологии. Согласно натуралистическим воззрениям, ценность является сам феномен органической жизни, жизнь в естественно-научном смысле. Поскольку сама органическая жизнь — это ценность, то соответственно системно-иерархическому строю живого, ценности могут быть представлены разными модификациями. Это: и «адаптивные» и «селективные» ценности и т.д. Последние принадлежат к числу фундаментальных характеристик эволюции живого мира. Получив сегодня количественную формулировку, данные виды ценностей служат основанием для сравнения разных организмов по степени аналогичных изменений.

Основанием для подобного рода теоретических выводов послужил, в частности, принцип оптимальности (или оптимальной конструкции), выдвинутый Р.Розеном. Идею оптимальности стали использовать в контексте идеи естественного отбора как главного «конструктора», «творца» живых организмов. Именно на этой основе удалось сформулировать центральную идею оптимизационного подхода в биологии. Согласно данной идее организмы, обладающие биологической структурой, оптимальной в отношении естественного отбора, оптимальны также и в том смысле, что они несут некоторую оценочную функцию, определяемую исходя из основных характеристик окружающей среды⁷. Для обоснования мысли о значимости биологической функции как основного ценностного свойства используется следующий аргумент. Везде, где есть функция, выполняемая той или иной

структурой, следует предположить, что некоторая структура стоит в особом положении значимости для процессов, протекающих на тех или иных уровнях организма как целого. Точно так же и естественный отбор оценивает изменения на предмет их значимости для приспособления их носителей к условиям среды. Поэтому, делает вывод автор, функциональное отношение в живой природе характеризуется модусом ценностно нагруженной телеологии. Решающим для конструирования натуралистической установки является осознание того, что «отношение значимости» формируется в универсуме задолго до появления человека и человеческой культуры.

Итак, жизнь и ценность пронизаны «смутным светом субъективного восприятия»⁸ («страсти души» по Декарту), в них так мало для «строгих правил». Предпочтение, несомненно, субъективно окрашено. В сердечном ходе мысли можно увидеть проявление власти «модального модуса», или сферы необходимого (желательного): система деонтических норм предписывает, что позволено, а что запрещено. Но совершенно очевидно и другое, что к одному и тому же предмету можно относиться по-разному: его можно и ненавидеть и любить и т.д. Отдавшись во власть своего воления, человек отодвигает на второй план все интенции, исходящие от разума. К этим вне-логичным ходам сердечной мысли мы не раз будем возвращаться, полагая, что ценностный взгляд на предмет выстраивает свою линию аргументации. Заметим, что субъективность здесь надо понимать в широком смысле: это могут быть и оценки, которые предопределены культурно-исторически.

Факт и ценность

Обратим внимание, что свои предпочтения субъект может строить на двух разных основаниях: во-первых, исходя из имеющихся фактов, во-вторых, основываясь на сердечной привязанности. Разный ход мысли вводит в действие разную аргументацию, что находит свое отражение в отличии ценностных суждений от суждений о факте.

Говоря о том, что «А есть В», мы фиксируем некий факт. Обоснование такого факта строится, как правило, на основе экспериментальных либо теоретических доказательствах. «Истинность» складывается из полноты информации, из экспертной проверки с опорой на соответствующие законы, правила, нормы и формальные методы. Такой тип суждения называют фактическим. Существенно, что при обосновании факта ведется поиск истины.

Рассуждая о привлекательности (эффективности, выразительности, надежности и др.) какой-то вещи («А») по сравнению с другой вещью («В»), мы произвольно / непроизвольно своей оценкой «лучше» высказываем предпочтение. Чтобы выразить предпочтение, используется уже иная формула: «А есть благо, А лучше В»

Для субъекта вещь (А) предпочтительнее, чем другая вещь (В). Смысл ценности заключается, таким образом, в отношении к вещи. Такое отношение, точнее восприятие вещи, может быть различным даже у одного и того же субъекта. Складывается восприятие в зависимости от условий самого разного плана — практических, социальных, культурно-исторических и пр. Именно разное восприятие вещи формирует ее образ. Восприятие «лучший — худший» ведет к тому, что образ «обрастает» разными деталями, что усиливает и приводит в действие мощное оружие — чувство. Весь этот сложный комплекс, именуемый восприятием-образом вещи, и служит основанием для оценки: это «лучше», чем нечто другое. Повторяем, одна и та же вещь в разных условиях может субъективно восприниматься то как худшая, то в качестве лучшей.

Такой тип суждения, в котором фиксируется склонность субъекта к вещи, называют ценностным. Склонность выражается в предпочтении одного другому. В результате оценивания предмет приобретает аксиологический знак «лучше — хуже». В концепции, названной автором «логика предпочтения», Г.Х. фон Вригт разрабатывает ряд понятий, в которых обосновывается представление о структуре выбора, основанного на предпочтении, дается классификация типов оценок, типов хорошего и др. Автор соотносит предпочтение с такими чисто практическими понятиями, как выбор, желание, хотение и др.; особое место среди них занимает понятие предпочтительного выбора. Сравнивая признаки друг с другом, субъект осуществляет выбор. Проблема состоит в том, какому из альтернативных признаков следует отдать предпочтение: «А» или «В»? Если А, то А будет «лучше» В.

Аксиологическая разновидность практического аргумента, по Вригту, имеет такую схему:

Я хочу «А»;

«В» есть необходимое условие «А»,

следовательно, Я должен сделать «В»⁹.

Оценка как мы видим, неотделима от сравнения вещей, от выстраивания иерархии ценностей, что далее толкает субъекта к практическому действию.

Взвешивание: абсолютная и относительная мера

Итак, ценности принадлежат к сфере человеческого разума, косятся в отношении к окружающим явлениям, производны от сердечных доводов. Значит, ценности вовсе не имманентны бытию. Отсюда следует, что поскольку ценностный предикат «благо» не соотносится с предметом «самим по себе», постольку предмет аксиологически нейтрален. Ценностный знак «хорошо — плохо» («справедливо-несправедливо», «полезно — бесполезно», «добро — зло» и т.п.) присваивается предмету в зависимости от сердечного чувства, от душевной привязанности. Причиной, по которой предмет заносится в класс со знаком «ценностно значимый», оказывается не его природное свойство, а соображения, возникшие под влиянием представлений, скажем, об истинности, об удобстве (надежности, скорости, красоте и пр.). Ценностный взгляд на предмет формируется, таким образом, под влиянием соответствующей ценностной системы представлений, которую (систему) будем далее называть аксиологическим полем. Именно в границах данного аксиологического поля — смыслового по существу — ведется сравнение, производится «взвешивание», выстраивается обоснование всех тех «плюсов» или «минусов», которые присваиваются маркируемой вещи, либо какому-то ее признаку, свойству, черте и т.д.). Этой процедурой достигается присвоение предмету аксиологического знака — «лучше» (хуже, выше, ниже и т.д.). Назначение знака напрямую связано с определением ценностного веса. В итоговой ценностной картине выстраиваются как «достоинства», так и «изъяны» предмета. Тот или иной знак появляется в результате пересечения ряда альтернатив и предпочтения одной из них. Знак служит венцом аксиологического утверждения. Общеоценочный компаратив «лучше» и служит знаком выбора, и заключает в себе обобщенный мотив действия, связанный с реализацией выбора¹⁰. Лишь пройдя все шаги на пути оценивания, человек делает последний шаг — выбор. Предмет, бывший до процедуры «втягивания» аксиологически нейтральным, после попадания в такое поле становится аксиологически нагруженным. Ценностный знак имеет еще одну сторону: он заключает в себе также и обобщенный мотив действия. Но об этом чуть позже.

Чтобы продолжить наш анализ сути предпочтения, вернемся к введенному Риккертом различию понятий «ценность» и «оценка».

Ценность служит для культурно-исторической характеристики предмета, отличая один предмет от другого предмета. Предпочтение-выбор сосредоточивается здесь на предмете как таковом, на тех каче-

ствах, которые служат для отличия одного предмета от другого предмета — хорошего или плохого. Знаком ценностного отношения является *сам предмет*.

Оценка же принадлежит «царству смысла» и служит для выражения внутрисущностной характеристики предмета. Для оценки важно то, какими качествами обладает данный предмет, его достоинства или изъяны, положительные или отрицательные черты. Такого рода смысловой анализ занят определением сравнительной ценности свойств предметов — «хуже-лучше». Выбор, основанный на оценке, имеет дело с внутрипредметными свойствами-смыслами. Знаком здесь является *свойство* предмета. Компаратив «лучше» вводит в фокус рассмотрения то, что следует предпочесть, а не то, чего следует избежать. Предписания обратны запретам. Запрет не предлагает альтернативы. В нем худо противопоставляется отсутствию худа. Рекомендация дает позитивную инструкцию. Ценностное сопоставление — это предписание в условиях альтернативы. Оно касается ситуаций, в которых ни на одно действие не наложено вето. Она оставляет заинтересованному лицу свободу выбора». Поэтому при разговоре об общей оценке предмета цель возражений сводится не к отрицанию доводов собеседника, а в его перевешивании: спор идет не об истинности утверждений, а об иерархии ценностей. Таким образом, правда в ценности устанавливается не благодаря истинности аргумента, а благодаря его полновесности¹¹.

Одни оценки служат опорой для обоснования «истинности», другие — характеризуют отношение «верно». Аргумент «верно» основывается главным образом на практической деятельности, которая не подвластна «правилам» и алгоритмам. «Истинность» складывается из полноты информации, из экспертной проверки с опорой на соответствующие законы, правила, нормы и формальные методы.

Между тем можем ли мы утверждать, что субъект всегда в своих утверждениях об истинности предмета исходит из полноты информации, из экспертной проверки? О том, что опорой научных представлений могут быть и предпочтения (в том числе и культурно-исторические), нам становится ясно при рассмотрении одной исторической концепции.

Действительно, в наших познавательных действиях над предметом присутствует ценностное отношение к предмету. Хотим мы этого или не хотим, рефлексивно принимаем или оно (отношение) возникает вне нашей сознательной воли, — цель и задачи исследования мотивированы естественно сложившимися предпочтениями. Присвоение предмету аксиологического знака «хорошо-плохо» слу-

жит как бы сигналом для программирования соответствующих практических действий. Существенно, что в ценностном взгляде на предмет выражена не только практическая природа предпочтений, но и активность субъекта.

Иллюстрацией сказанного служит формирование рационалистически-ориентированной стратегии. Обращение к античной концепции о логосе и доксе помогает понять влияние предпочтений на историческую судьбу двух названных компонент сознания.

Как известно, первоначальные представления о доксе (или опытно-чувственном) знании сложились под влиянием установки античного рационализма об асимметричности логоса и доксы. Однако признавая сам факт такой асимметричности, вряд ли можно согласиться с той характеристикой, которой была наделена докса античными мыслителями. Попробуем в связи со сказанным обозначить, во-первых, те аргументы и те познавательные приемы, которые использовались при обосновании природы доксы, во-вторых, какими конкретными свойствами была при этом наделена докса.

Как это следует из скупо представленных античных источников, логос и докса по своему исходному определению — это два разнонаправленные способа освоения реальности: если логос вечен и неизменен, то докса конечна, случайна, кратко живуча; логос занят обоснованием истины, познание протекает в пределах заданной системы абстракций и понятий, логос прямолинеен, что в конечном итоге предопределяет возможность единственной истины и тем самым исключает вариативность. Отсюда и соответствующий образ реальности — жестко организованной конструкции, которая подчиняется законам логики.

В мире доксы обоснование разворачивается по иному канону, ибо чувственно-опытное знание не ориентировано на знание родов и видов (обобщенно-существенное); его интересует конкретное, определяемое текущими обстоятельствами, привходящее. Непосредственная связь со всем строем жизни, погруженность в практику жизни обуславливает такие важные качества практического знания, как конкретность и импульсивность. Будучи неотрывно от привходящего контекста, оно зависимо от «отдаленных» причин. Отсюда результаты чувственно-опытного знания приобретают индивидуальные черты, оказываются «поштучными».

Присматриваясь с этой точки зрения к высказываниям Демокрита, мы замечаем, что исходя из предпочтения вечного и неизменно — синонимов истинного, античный автор негативно высказывается о доксе. Это зафиксировано в следующем его высказывании:

«есть два вида мысли: одна — законнорожденная, другая — незаконнорожденная. К незаконнорожденной относится все следующее: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, другая же законнорожденная. К ней относится скрытое (от наших чувств)»¹². Будучи рождены пороэнь и осуществляя себя пороэнь, «очи разума», или логос, открывают подлинную реальность; напротив, «докса», или «не—разумное», «не—чистое» мышление, искажает истину.

Какие же аргументы были использованы при обосновании мысли о «неразумности» доксы? Надо сказать, что ни в высказываниях антиков, ни в работах более поздних авторов мы не находим каких-либо развернутых суждений на этот счет. Главное, на что обращают внимание при характеристике доксы — это ее альтернативность логосу. Для античной философии, рационалистической по общему своему строю, вовсе не столь важным было знание того, какова же докса «на самом деле»: античный рационализм ограничился пониманием доксы как антилогоса. При такой постановке вопроса с помощью грамматической частицы «Не» выводится представление о «качествах» доксы, как о «НЕ—разумии», о «НЕ—чистом», о «НЕ—законнорожденном» мыслительном акте. В итоге положительное явление — опытно-чувственное познание (докса) приравнено к отрицательному. Сами же отрицательные частицы «не» и «анти» — суть чисто внешнее, формальное, а не содержательно-смысловое определение, в котором отсутствуют какие бы то ни было природно-субстанциальные характеристики доксы как компоненты сознания.

Но поскольку в процедуре обоснования отсутствовали и момент опоры на природообразующие модусы самого предмета обоснования (доксы) и соответствующие способы доказательства, то тем самым вряд ли данную процедуру обоснования следует признать состоявшейся, полноценной.

Сказанное о способе обоснования природы доксы позволяет убедиться в том, что на аргументацию, носившую чисто формальный характер, оказала влияние система воззрений античного рационализма. Высокие оценки логоса, справедливые сами по себе, развернулись в парадигму, в систему предпочтений. В итоге положительный феномен (докса) был приравнен к отрицательному (не-разумный). Движущей силой предпочтений являются культурно-исторические привязанности, а не логические доводы, основанные на объективно взвешенных аргументах: последние отсутствовали в силу тех объективно сложившихся познавательных условий, которые существовали вплоть до середины XIX в. И тем не менее скептически-негативное отношение к чувственным компонентам сознания — восприятию,

неосознанным чувствам, эмоциям, намерениям, волеиям и др., сложившееся еще в античности, оказало свое влияние на историческую судьбу «неинтеллигибельного» знания, которое столь долго оставалось слабо изученным. В этом плане совсем иначе развивались идеи логоса, которые послужили основой логико-аналитической тенденции: последняя предопределила весь строй и направление развития естественных и общественных наук.

Способен ли человек учиться на своих ошибках и извлекать уроки из своих заблуждений? Понимая, что поставленный вопрос носит, видимо, чисто риторический характер, тем не менее попытаемся далее проанализировать с этой точки зрения особенности логико-методологической тенденции в развитии современной картины мира. Речь пойдет о компьютерной модели мира.

Мысль о «границах» компьютеризации при всей, казалось бы, ее противоположности другой мысли — об обобщающей силе идеи компьютеризации, вырастает из последней: всякий раз, когда последней начинают придавать абсолютный смысл, происходит трансформация исходного смысла понятия, его перерождение.

Как показала сложившаяся практика, автоматизация охватывает лишь незначительную часть человеческой деятельности. И вовсе не применима к тем формам этой деятельности, которые опираются на творческие акты, внутренний опыт и т.д. В самом деле, в целом ряде профессий доминирующая роль принадлежит «телесным», неявным формам знания; немалое место занимают воображение, неосознаваемые мыслительные действия, интуиция и др.

В чем же видят принципиальное отличие не—речевых мыслительных актов от рациональных, основанных на «системе правил»? Прежде всего, в способности оперировать разноплановыми смыслами, в умении действовать ассоциативно, полагаться на интуицию и т.п. Отсюда многомерный, нелинейный, «размытый» характер такой деятельности и т.п. Линия, по которой проходит граница между естественным (практическим) интеллектом и искусственным, определяется как раз наличием или отсутствием не-словесных мыслительных актов.

Что касается машины, то она использует «систему правил», оперирует знанием, инвариантным ее собственному языку. Поэтому, несмотря на различие сфер приложения искусственного интеллекта, «картины», получаемые на выходе, обладают часто значительным сходством. Это объясняется тем, что происходит «стирание» индивидуальности, смещение граней как бы в одну точку, то есть к их «сплющиванию». А это значит, что итоговая картина оказывается плоской,

непротяженной; компьютеризация наряду с упрощением несет с собой и унификацию. Именно поэтому создатели экспертных систем и инженеры по знаниям испытывают теоретические трудности при конструировании автоматизированных систем, служащих для приобретения профессионального опыта и знаний.

Как известно, в вычислительной технике кодирование информации происходит с помощью дискретных объектов типа букв и цифр, что с неизбежностью порождает «атомистический» машинный мир — мир дискретных данных и фиксированных признаков. Между тем человеческим действиям, напротив, присущи континуальные (недизъюнктивные) формы передачи информации. В соответствии со сказанным, машина конструирует задачу, используя готовые, априорно заданные признаки; человек же в сходных ситуациях использует образное мышление, естественный язык, то есть такие средства, которые наделены существенной неоднозначностью, размытостью границ, вариабельностью и пр. Машинному моделированию не подвластен весь этот диапазон. Как отмечает Дрейфус, если мы и находимся на пороге создания искусственного интеллекта, то в ближайшее время мы станем свидетелями триумфа ограниченного представления о разуме.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что укоренение компьютерного образа связано с рационально организованной верой. Такая вера апеллирует к «совершенству» символично-цифровой модели, к оптимизирующей силе конструктов информатики, к ожиданию преобразовательных возможностей соответствующих ассимилирующих процедур. Апелляция к знанию, с одной стороны, и надежда на будущее, — с другой, отличает, как мы видим, проективный оптимизм компьютерного образа мира.

Шкала ценности: относительная и абсолютная меры

Итак, если мы признаем возможность иных (внекомпьютерных) путей повышения профессионализма и допускаем, что практические умения не менее эффективны чем счетные решающие устройства, то тем самым мы допускаем возможность разных подходов к измерению меры ценности.

Пытаясь ответить на вопрос, откуда вырастает сама мера, нам предстоит более тщательно приглядеться к тому, является ли источником субъективный фактор или же на определение ценностного веса влияет и процедура измерения.

Действительно, мера ценности есть результат ценностного опыта и носит относительный характер. Как часто на один и тот же предмет люди смотрят по-разному. Но с другой стороны, наряду с субъективным источником существуют и объективные предпосылки определения ценностного веса. К числу объективных может быть отнесена и ценностная шкала — абсолютная или относительная, которые используются для измерения. Предметом изучения станет для нас вопрос о двух путях повышения эффективности труда — с помощью компьютерных и внекомпьютерных средств познания. И еще одно условие: сопоставление мы будем вести на основе двух оценочных шкал, каждая из которых — суть разные способы движения к «лучшему». В одном случае речь будет идти об абсолютной системе отсчета, в другом — об относительной шкале.

Укажем на одно принципиальное отличие двух названных оценочных шкал. Абсолютная шкала отличается не одной только абсолютной мерой, к примеру, «хорошо — плохо», «добро — зло», «положительно — отрицательно», что приводит к противопоставлению сравниваемых явлений. Другое ее отличие состоит в том, что по абсолютным меркам сравниваются, как правило *предметы*, и знаком оценки здесь служит сам предмет. В рамках относительной критериальной системы отсчета и сама мера носит относительный характер, к примеру, «хорошо — лучше», «ниже — выше», «положительно — положительно», и что не менее важно, сравниваются *свойства* предмета, и в качестве знака оценки используют уже свойства предмета.

Спрашивается, чем отличается выбор, проведенный в разных системах отсчета — по абсолютным и относительным критериям? Суть такого различия становится очевидной, когда мы сравниваем между собой обе процедуры. Так, если сопоставление ведется по абсолютным меркам, то в итоге «разное» окрашивается в черно-белые цвета. «Хорошее» с неизбежностью оказывается противостоящим «плохому». Отношения между разным складываются таким образом, что они превращаются в антиподы: враг противостоит другу, зло — добру. Существенно и другое: абсолютная мера не только вносит асимметричность в понимание «разного», но и наделяет «разное» деятельно-преобразовательным смыслом. Так, к примеру, оценивая предмет знаком «плохо», мы констатируем не только некий факт, но одновременно этот знак служит сигналом о необходимости изменения «положения дел» на хорошее. Будучи «недругом» плохого, хорошее стремится вытеснить свой антипод (заметим в скобках, что, как правило, вытесняется наоборот хорошее).

Несколько иная ситуация складывается на относительной ценностной шкале. Здесь также имеются альтернативы, из которых нужно выбрать одну. И оба предмета также получают разные оценки. Однако отношение между «разным» здесь складывается совсем по иному канону. Отличаясь друг от друга, «хорошее — лучшее» не являются асимметрией, противоборством, и, таким образом, позитивно относятся друг к другу. Относительный взгляд на «разное» ставит их в положение взаимного дополнения, а не противопоставления.

Итак, на относительной ценностной шкале «разное» располагается в общем позитивном ценностном пространстве. «Хорошее», хотя и не принадлежит к разряду «лучшего» (более высокого, более привлекательного и т.д.), точно также характеризуется положительно.

Между тем, повторяем, определение ценностного веса вещи, признание ее в качестве «лучшей» (худшей, оптимальной-неоптимальной и т.п.) — часто бывает не столь безобидно для культурно-исторической судьбы этой вещи. Ибо результаты такого оценивания связаны с продвижением в жизнь такой программы, ее признания как «самой эффективной», «самой продвинутой» и т.п.

Так, представление об общезначимости и необходимости символично-цифровых средств трансформировалось, переродилось в абсолют, который, как известно, не способен ни изменяться, ни уточняться. В суждении о том, что практическое сознание может «лучше» транслировать тонкие экзистенциальные смыслы, нежели компьютер, привлекается внимание к одному из модусов сознания, отвечающему за средства передачи знаний. Однако оценка «лучше» не распространяется на само сознание. Вот почему для оценки статуса любых средств исследования целесообразно использовать относительную критериальную шкалу.

Продолжая сопоставление, следует признать, что разная степень эффективности вовсе не отрицает возможности использования и «другого», менее эффективного средства исследования. Как мы видим, «разное» здесь не окрашено в «черно-белые» цвета, а напротив, видится в позитивном свете: положительное сравнивается с положительным, но не противопоставляется. Если одно «хорошо», то другое оценивается как «лучше»; маркировка «ниже» предполагает, что другое находится в положении «выше». Другими словами, относительная ценностная шкала не разводит, не изолирует разное: и компьютерным и внекомпьютерным средствам говорят «да-да». Признавая наличие разнообразия, такая тактика не создает противопоставления лучшего и хорошего. Ибо и то и другое находятся в общем позитив-

ном ценностном пространстве. Равноценности здесь придается смысл одинаково положительной окраски, одинаковой полезности. Одно и другое находятся, таким образом, в отношении дополнительности.

Пытаясь осмыслить «последствия» оценивания по абсолютной мере, следует признать, что в этом случае идеи и принципы символично-цифрового моделирования начинают выполнять роль основоположений при создании особого рода реальности — компьютерной модели мира. Смысл абсолютной меры выражается в экстенсивном развитии названных средств исследования, в заполнении «одними и теми же» концептами смыслового пространства самых разных сфер познания и деятельности. Их «власть» проявляется в том, что идеи и принципы, составляющие суть символично-цифрового моделирования начинают участвовать в создании особого рода реальности. Появляется монологичность, единообразие. «В итоге укоренение» компьютерной модели привело к тому, что из духовного настроения эта идея трансформировалась в правило действия, преобразовалась в «ри-сунк поведения».

В том случае, когда идее придается абсолютный смысл, то в смысловом составе идеи происходит смена духовно-идейного ядра идеи компьютеризации: появился принципиально новый субстрат — практическая составляющая. Обнаруживается последняя в том, что начинают формироваться конкретные научно-практические программы по всеохватывающей компьютеризации.

Практическая природа оценки

Попытаемся далее понять причины, по которым вплоть до середины XIX в. продолжало сохраняться скептически-негативное отношение к чувственным компонентам сознания, сложившееся еще в античности.

Когда мы констатируем факт о том, в каких условиях сложилась историческая судьба «неинтеллигибельного» знания, то, какое влияние оказало рационально-ориентированное ценностное пространство на понимание восприятий, неосознанных чувств, эмоций, намерений, волений и др., мы тем самым фиксируем лишь одну сторону аксиологической процедуры — присвоение предмету знака «хорошо — плохо». Вместе с тем существует и другая сторона. Аксиологический знак служит одновременно сигналом для практического действия.

Ценностные суждения относятся к классу практических. Согласно представлениям Д. Юма, практическое рассуждение содержит скачок от фактических утверждений к модальным; последние основываются на системе деонтических норм, которые раскрывают, что дозволено, а что запрещено¹³. Практическое рассуждение служит для обоснования действий и намерений субъекта изменить свое отношение к предмету. Такая перемена происходит под влиянием разного рода ожиданий, воспоминаний, эмоционального видения, рационального взвешивания за и против. Выбор, нацеленный на предпочтение «лучшего», активизирует привязанность таким образом, что ценность («лучшее») становится той целью, которую субъект начинает претворять в жизнь.

В мысли о «лучшем» зафиксирована, таким образом, и практическая природа предпочтений, ориентированная на претворение в жизнь практической программы, и активность субъекта.

Мы неоднократно ставили в связь предпочтение и сердечную привязанность. Действительно, именно эмоции, содержащиеся в восприятии предмета в качестве «лучшего-худшего», подталкивают субъекта к реализации цели.

Анализируя внутренние пружины лежащие в основании предпочтений (куда склоняется сердце), мы видим, что импульсом для появления приоритетов, которые рождаются «здесь» и «сейчас», служат практически-жизненные обстоятельства; последние и диктуют, каков ныне ценностный вес и ценностная мера вещи. «Внимание к жизни» — такую метафору используют для выражения смысла понятия ценности, указывая на тесную связь с внутренними и культурно-историческими интересами человека — регулятивами его жизнедеятельности. Практическая сила ценностного взгляда на идею логоса сказалась в расширении границ рационально-ориентированного ценностного пространства, предопределившего строй и направление развития как естественных, так и общественных наук, послужившего основой становления логико-аналитической тенденции. Вот почему неизбежными оказались и некоторые следствия: слабая изученность перцептивного строя сознания.

Итак, ценность «практически нагружена», ценностное отношение формируется в самой гуще реальной жизнедеятельности, а ценностный опыт сохраняется и развивается в зависимости от цели, на которую такой опыт направлен.

Существенная сторона практического рассуждения в том, в нем и обязательно используется посылка цели, а вывод оказывается нормативно-оценочным.

В состав практического рассуждения входят окружающие понятия, что во многом сближает практическое мышление с внелогическими структурами сознания. В таком взгляде на природу практического рассуждения на переднем плане оказывается нормативный характер акта, где посылка цели рассматривается как субъективная норма, посылка средства как техническая норма, а следствие предстает в виде нормативной рекомендации к действию¹⁴. Содержание ценности не расторжимо, таким образом, с практическими действиями.

Мысль о «практической нагруженности» оценки открывает себя в концепте «компьютерная модель мира». Идея о возможности радикальной перестройки любых сфер науки и практики покоится на исходной гипотезе о генерализующей силе идей информатики; в компьютеризации увидели главный путь к автоматизации разных видов труда. В качестве стержня позитивной программы компьютерной модели мира была принята идея об ассимиляции самого разнообразного эмпирического материала на основе представлений о символично-цифровом моделировании, об использовании концептов информатики для решения самых разные научно-практических задач. Конструкты информатики в данной композиции стали играть роль «субъекта-преобразователя»: здесь проглядывает мысль о том, что в числе базовых характеристик компьютерного образа мира оказалась практическая составляющая идеи. Суть последней в активизации познавательных и практических усилий по воплощению и внедрению компьютерных программ в самые разные сферы познания и практики; в особенности в те области, где отсутствуют свои собственные развитые теоретические построения. Именно на таком пути протекает материализация идеи, превращение ее в действие. Здесь мы приближаемся к пониманию процедуры реализации регулятивно-действенного начала, заложенного в идее.

Безусловная продуктивность средств новой технологии подтверждается объективным ходом цивилизационных процессов: во-первых, состоявшимся фактом является обширный масштаб компьютеризации, ибо мало сфер, которые бы не использовали машины огромной разрешающей силы; во-вторых, существует осознанное понимание объяснительной силы идей информатики и их продуктивности при решении самых различных интеллектуальных задач. Такой взгляд фактически сформировался сразу же после первых успешных опытов автоматического доказательства теорем. Х.Саймон писал: «В мою задачу вовсе не выходит поразить или шокировать вас... Однако суммировать все это кратко можно, лишь сказав, что сейчас

в мире существуют машины, которые думают, учатся, творят». Эта мысль первых пионеров искусственного интеллекта закреплена в многотомном энциклопедическом издании О.Киркеби, где статус когнитивной науки определяется следующим образом: «Когнитивная наука – это масштабная философия и научно-исследовательская программа, которая базируется на допущении того, что человек – это машина и может быть описана как машина».

Экстенсивное развитие компьютерного моделирование выразилось в создании эффективно действующих систем автоматического анализа и синтеза текста. Возникла даже мысль о когнитивной революции в лингвистике. Последнюю стали видеть в уходе от значения к информации; изучение самого процесса означивания было подменено на изучением процессов обработки информации. Ведущую роль здесь сыграла идея компьютерной модели интеллекта. Теории стали оцениваться с точки зрения возможности представления психических процессов с помощью алгоритмов и действующей компьютерной модели.

Итак, в концепте «компьютерный образ мира» идеи информатики оказались соединены с неким духовным настроением, оваянным ореолом точности и познавательной силы. Однако мысль о горизонте возможностей компьютеризации начала меняться, перестраиваться в конкурентной борьбе с идеей о иных путях теоретизации, о других средствах и путях повышения уровня профессионализма. Сразу же оговорюсь, что в такой постановке вопроса вовсе никак не затрагивалась незыблемость принципов информатики, не говорилось о том, что нужно ими поступиться.

Так, по-прежнему в самых разных научно-практических сферах профессионализм уверенно продолжают связывать с овладением новыми технологиями, с символьно-цифровым моделированием. Эта установка, получившая конкретное воплощение в концепциях прогнозирования путей научно-технического развития, соответственно столь же широко продолжали проводить и при планировании путей развития системы образования. Не отвергая самой такой тенденции, приверженцы новой точки зрения стали говорить о ее границах.

Необходимость переуточнения путей образовательной политики была вызвана пониманием возможности иных средств интенсификации труда, в частности, на основе внекомпьютерной инструментальной базы. Осознание возможности не одной, а разных линий выдвинуло на передний план вслед за этим задачу перестройки кадровой политики в сфере образования. Мысль о необходимости разработки и внедрении альтернативных средств интенсификации тру-

да вызревала по мере того как становилось все более ясной относительная природа компьютерных и внекомпьютерных средств, по мере того как сравнительные исследования показывали, что повышение уровня профессионализма в ряде сфер деятельности не менее, а чаще и более перспективно на пути традиционных средств оптимизации, нежели с использованием компьютерных технологий.

Такой ход мысли с неизбежностью привел к постановке вопроса о «границах» компьютеризации. Может быть, для большинства наших современников, живущих в век бурного развития новых технологий, попытка ввести ограничение применительно к любимому детищу покажется просто кощунством. Однако следует тем не менее признать, что представление о неограниченной обобщающей силе любых концептов, если такому представлению придается абсолютный смысл, то происходит перерождение первоначального смысла понятия и его превращение в свою противоположность: абсолют с неизбежностью становится догмой, не способной к развитию.

Как показала сложившаяся практика, автоматизация охватывает лишь незначительную часть человеческой деятельности. И вовсе не применима к тем формам этой деятельности, которые опираются на творческие акты, внутренний опыт и т.д. В самом деле, в целом ряде профессий доминирующая роль принадлежит «телесным», неявным формам знания; немалое место занимают воображение, неосознаваемые мыслительные действия, интуиция и др.

В чем же видят принципиальное отличие не—речевых мыслительных актов от рациональных, основанных на «системе правил»? Прежде всего, в способности оперировать разноплановыми смыслами, в умении действовать ассоциативно, полагаться на интуицию и т.п. Отсюда многомерный, нелинейный, «размытый» характер такой деятельности. Линия, по которой проходит граница между естественным (практическим) интеллектом и искусственным, определяется как раз наличием или отсутствием разного рода практических умений.

Что касается машины, то она использует «систему правил», оперирует знанием, инвариантным ее собственному языку. Поэтому, несмотря на различие сфер приложения искусственного интеллекта, «картины», получаемые на выходе, обладают часто значительным сходством. Это объясняется тем, что происходит «стирание» индивидуальности, смещение граней как бы в одну точку, то есть к их «сплющиванию». А это значит, что итоговая картина оказывается плоской, непротяженной; компьютеризация наряду с упрощением несет с собой и унификацию. Именно поэтому создатели экспертных систем и

инженеры по знаниям испытывают теоретические трудности при конструировании автоматизированных систем, служащих для приобретения профессионального опыта и знаний.

Как известно, в вычислительной технике кодирование информации происходит с помощью дискретных объектов типа букв и цифр, что с неизбежностью порождает «атомистический» машинный мир — мир дискретных данных и фиксированных признаков. Между тем человеческим действиям, напротив, присущи континуальные (недизъюнктивные) формы передачи информации. Этой стороне новых технологий большое внимание уделял А. В. Брушлинский¹⁵.

В соответствии со сказанным, машина конструирует задачу, используя готовые, априорно заданные признаки; человек же в сходных ситуациях использует образное мышление, естественный язык, то есть средствами, наделенными существенной неоднозначностью, размытостью границ, вариабельностью и пр. Машинному моделированию не подвластен весь этот диапазон. Как отмечает Дрейфус, если мы и находимся на пороге создания искусственного интеллекта, то в ближайшее время мы станем свидетелями триумфа ограниченного представления о разуме¹⁶.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что укоренение компьютерного образа связано с рационально организованной верой. Такая вера апеллирует к «совершенству» символично-цифровой модели, к оптимизирующей силе конструктов информатики, к ожиданию преобразовательных возможностей соответствующих ассимилирующих процедур. Апелляция к знанию, с одной стороны, и надежда на будущее, — с другой, отличает, как мы видим, проективный оптимизм компьютерного образа мира.

Однако восторженное восприятие надежды, перерастание оптимизма в абсолютную уверенность и т. п. суть свидетельство паралича, который поразил рефлексивные структуры сознания. Это выразилось, в частности, в потере понимания границ и меры возможностей компьютеризации. Суть абсолютизации данного средства познания не в одном только расширительном толковании, выражением чего служат попытки оптимизации на данной основе самых разных видов трудовой деятельности, но и в отторжении — пусть произвольных — иных путей. Мысль, если она замыкается на самой себе, гасит тем самым раздумия об «ином». Между тем из усмотрения альтернативы открывается понимание меры Я-возможностей.

Поэтому лишь на первый взгляд странным выглядит скепсис по поводу возможностей новых технологий и их необходимости продвижения в самые разные области человеческой деятельности. Идея раз-

нообразия уверенно набирала свою силу, что нашло выражение в разработках, связанных с изучением практических структур сознания. Именно последние составляют фундамент альтернативы внекомпьютерным средствам передачи знаний.

Заявленную позицию попытаемся очертить постановкой таких вопросов: можно ли и теперь говорить о абсолютной «безупречности» информационно-вычислительных средств как основы для повышения уровня профессионализма? Не является ли практическое сознание с его опорой на умения и навыки столь же эффективными, что и машина? Не поколеблем ли мы веру в неизбежность новой технологии и неизбежность ее экстенсивного развития, выдвигая гипотезу об эффективности практических умений в деле интенсификации труда? Если высокое качество труда может быть обеспечено также и практическими структурами сознания, то как установить меру и баланс разнообразных средств? Какие привходящие проблемы обеспечения нужно также решать при этом?

Нетрудно заметить, что в смысловом составе обозначенных вопросов присутствует аксиологическая составляющая, которая стала предметом обсуждения в Международном проекте «Образование Труд — Техника», который с 70-х гг. прошлого века разрабатывается в Швеции. Мировая научная общественность в лице видных современных философов, методологов науки, ученых самых разных профессий из Европы и Америки, объединила усилия для решения практических и теоретических вопросов, связанных, во-первых, к изучению возможностей практического интеллекта, во-вторых, с переориентацией в сфере образования.

Одной из главных линий исследовательского проекта стало сравнительное изучение опыта практиков — пользователей компьютерной техники. В качестве фундамента исследований были использованы самые разные области науки и практики. Причем ориентиром стал «частный случай», опорой составил индивидуальный опыт компьютеризации — таково было исследовательское кредо данного проекта.

Эмпирической базой исследований стали ряд научных, социальных и общественных учреждений, таких как страховые кассы, медицинские учреждения, лесное хозяйство, аэропорты и др.; существенным оказался опыт ряда специалистов, в числе которых оказались метеорологи, медицинские сестры, хирурги, реставраторы художественных произведений и др.

Сравнительный опыт исследования показал, что, с одной стороны, имеется позитивный опыт от использования новой техники: в ряде трудовых сфер «машина» освободила работника от рутинной

работы; эффективными были расчеты при подготовке сложных оценок и решений и др., а с другой стороны, в ряде практических задач эффективность использования оказалась не столь велика, как это ожидалось. В частности, надежды и ожидания, связанные с использованием компьютерной техники, не оправдали себя в лесном хозяйстве, в производстве хирургических инструментов¹⁷; исследования в сфере метеорологии показали, что «внутренняя картина погоды», которая составлена на основе личного практического опыта, оказалась точнее, нежели та, которая получена инструментально с помощью новой техники¹⁸. К сходным выводам пришли специалисты и из других областей. Так, по мнению хирургов, качество их работы в большей степени зависит от имеющихся навыков, которые ими получены, когда они действуют как врачи-ремесленники¹⁹. Аналогичные выводы оказались и у художника-реставратора. Критико-рефлексивная установка по отношению к новой технологии еще более закрепилась, когда были изучены динамические характеристики творческой среды, некоторые эмпирические аспекты теории искусства и др.²⁰.

По утверждению специалистов практиков, знание, получаемое при использовании счетно-решающих устройств, носит формальный, абстрактно-общий характер, бедный по смысловому содержанию. Такое знание не только теряет свою привлекательность, но и часто губительно сказывается на понимании общей картины изучаемого явления, не продвигает поиски более глубоких пластов содержания. Последние открываются только с помощью практических умений, в личном контакте с предметом исследования. Опытное знание, по их мнению, обеспечивает гибкость, возможность перестройки шагов в конкретной ситуации, принятие конкретных решений. Опору такого рода умений составляют практические структуры сознания.

Итак, если мы признаем возможность иных (внекомпьютерных) путей повышения профессионализма и допускаем, что практические умения не менее эффективны чем счетные решающие устройства, то тем самым мы допускаем возможность разных подходов к измерению меры ценности.

Несомненно, мотивы, заложенные в основание доктрины компьютеризации, являются позитивными, научно «нагруженными», ибо их цель — обеспечить научно-продвинутыми средствами исследования. С компьютеризацией связывались надежды на теоретизацию разных сфер познания. Один из уроков, который должен быть извлечен из попыток абсолютизации идеи состоит в том, суть укоренения не в том, что идея может быть и «ложной» или «плохой», а в односто-

ронней, усеченной ее трактовке. Результатом «укоренения» является идеально-спрямленное толкование, улавливание лишь частичного смысла идеи, а также превращение должного в правило действия.

Однако воспринятая в безусловной форме идея компьютеризации переродилась в кумира, была возведена на пьедестал абсолюта, приобрела достоинство владыки и повелителя. Сформировался единый менталитет, предопределяющий в каждой сфере познания один и тот же образ мысли. А владыка нуждается не только в поклонении, но и в жертвоприношениях.

Примечания

- ¹ Лк. 12, 34.
- ² *Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 188. V, 1027 b, 25.
- ³ *Dewey J.* Theory of Valuation. Chic., 1946. P. 27.
- ⁴ *Риккерт Г.* О понятии философии // *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998. С. 463–464.
- ⁵ *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995.
- ⁶ *Мур Дж.Э.* Природа моральной философии /Пер. с англ. Л.В.Коноваловой. М., 1999. С. 193.
- ⁷ *Розен Р.* Принцип оптимальности в биологии. М., 1969. С. 18.
- ⁸ *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- ⁹ *Вригт Г.Х.* Логико-философские исследования: Избр. тр. М., 1986.
- ¹⁰ *Арутюнова Н.Д.* Сравнительная оценка ситуации // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42. № 4. 1983. С. 331.
- ¹¹ *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
- ¹² *Лурье С.Я.* Демокрит. Л., 1970. С. 226–227.
- ¹³ *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 618.
- ¹⁴ *Raz L.* Practical reasoning. Oxford (UP), 1978.
- ¹⁵ *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- ¹⁶ *Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М., 1978.
- ¹⁷ Computer as a Tool (Bo Goranson et al). Studentlitteratur, 1983.
- ¹⁸ Bo Goianson & Inyla Iosefwn (eds). Knowledge, Skill and Artificial Intelligence. L., 1988.
- ¹⁹ The Inner Picture / Ed. Bo Goranson. Carlssons, 1988.
- ²⁰ Bo Goianson & Magnus Florin (eds). Artificial Intelligence, Culture and Language. L., 1990.